

DOI 10.35775/PSI.2026.131.2.017

УДК 32

И.В. ЯРЕМЧУК

аспирант, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва
E-mail: ffww4357@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОСУДАРСТВАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Динамичный процесс формирования политической воли в сфере искусственного интеллекта на уровне государств-членов Европейского союза, который происходит параллельно с разработкой и принятием общеевропейского Регламента AI Act определяет актуальность настоящего исследования. Данный процесс отражает более широкую политическую проблему соотношения наднациональной гармонизации глобального политического пространства и национального суверенитета в цифровую эпоху. Объект исследования национальное законодательство и стратегические документы государств-членов ЕС в области регулирования искусственного интеллекта. Предмет исследования – специфические подходы, приоритеты и правовые инструменты, используемые отдельными странами ЕС для реализации общих европейских принципов, а также случаи отсутствия таковых. Результаты исследования включают систематизацию национальных моделей регулирования искусственного интеллекта в ЕС, выявление лидеров и аутсайдеров этого процесса, анализ причин дифференциации, а также оценку потенциальных последствий такого разнообразия политических и законодательных решений для единого цифрового рынка и будущего применения AI Act на национальных уровнях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Европейский союз, национальное регулирование, AI Act, страновые различия, гармонизация права, имплементация.

Введение. Принятие Европейским союзом «Регламента об искусственном интеллекте» (AI Act (1)) ознаменовала собой создание всеобъемлющей наднациональной правовой рамки, но вступление в силу и непосредственное применение данного акта не отменяет значимости национального регулирования. Мало того, государства-члены ЕС находятся в состоянии активного поиска собственных правовых и стратегических ответов на вызовы и возможности искусственного интеллекта (ИИ), что формирует сложный двухуровневый политический дискурс, как обосновано отмечают зарубежные исследователи: «...подходы Канады и ЕС в значительной степени опираются на существующие институты и процессы, игнорируя уникальные общественные проблемы, такие как барьеры в знаниях, экономическую и социальную несправедливость,

экспертное регулирование, которые невозможно полностью решить с помощью инструментов этического управления или альтернативных площадок, таких как собрания граждан» [17]. Действительно подходы ЕС и Канады схожи, но есть существенная разница, если Канада представляет единое целое, то ЕС – аддитивные части целого и именно они создают политический дискурс на национальном и наднациональном уровнях. Исследование национального измерения правового регулирования ИИ в ЕС позволяет выявить, как общие принципы, сформулированные в Брюсселе, интерпретируются и адаптируются в различных политико-правовых и экономических рамках от технологически продвинутых стран Западной Европы до государств с формирующейся цифровой экосистемой в Центральной и Восточной Европе. Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в его вкладе в дискуссию о многоуровневом управлении и европейской интеграции в чувствительных сферах технологического суверенитета, так как даже в условиях высокой комплементарности положений AI Act, национальные государства сохраняют пространство для маневра, определяя приоритеты в этике, государственных закупках, поддержке технологических нововведений и конкретных общественных секторах применения ИИ: **«Формирование поддерживающей инфраструктуры включает все необходимые технологии и искусственный интеллект, который служит основой для успешного функционирования цифровой экономики. В свою очередь, «искусственный интеллект» в контексте цифровой экономики рассматривается как способность системы технологий получать информацию, анализировать ее, накапливать необходимые «знания», делать выводы относительно принятия решений, что будет способствовать эффективности управления бизнес-процессами» [12. С. 10]. Анализ страновых различий позволяет также прогнозировать потенциальные «узкие места» и конфликты в процессе имплементации единого регламента, выявляя, какие национальные элиты и группы интересов наиболее активны в формировании цифровой политики.**

Следует отметить, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 5; 6; 8; 9; 10; 13].

Однако исследование политики Европейского союза в сфере регулирования искусственного интеллекта и цифрового пространства в контексте цифровой трансформации нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Основная часть. Несмотря на стремление Евросоюза к унификации, правовое регулирование искусственного интеллекта на национальном уровне демонстрирует значительную вариативность политических решений среди государств-членов, мало того зарубежные исследователи справедливо отмечают: **«... дискуссия о «Европе как державе», и, в частности, концепции «нормативной силы Европы» и «рыночной силы Европы», чтобы понять, отдает ли ЕС приоритет в своем подходе к ИИ своим нормам или, скорее, своей рыночной**

власти. В политических документах ЕС элементы нормативной и рыночной власти тесно переплетены. ЕС стремится позиционировать себя на глобальном уровне как «нормативную силу Европы», продвигая свой ценностно-ориентированный и ориентированный на человека подход и этические рекомендации для надежного ИИ. Это тесно связано с амбициями ЕС стать рыночной державой с соответствующим регулированием и инвестициями, которые также могли бы способствовать внедрению его ценностей и норм» [16]. Стремление к глобальной нормативности наталкивается на проблему разнообразия политической воли внутри самого ЕС, которая обусловлена различиями в уровне технологического развития, структуре экономики, административных традициях, этико-правовых подходах к вопросам приватности и безопасности, а также политической воле руководства отдельных стран ЕС. Можно условно выделить несколько групп стран ЕС – условно пионеры, разрабатывающие комплексные национальные стратегии и собственные законодательные инициативы; страны, следующие в фарватере общеевропейской политики, делая акцент на этических руководствах и дорожных картах; и страны, где национальное регулирование ИИ находится в зачаточном состоянии или практически отсутствует. Франция и Германия выступают яркими примерами стран-пионеров, стремящихся не только имплементировать будущие нормы AI Act, но и активно влиять на глобальные стандарты, но зарубежный исследователь С. Фельдштейн задается вполне резонным вопросом: «**Поправки к проекту AI Act, опубликованные Европейским парламентом в мае 2022 года, по-прежнему допускают использование «локальных» предиктивных полицейских систем для миграционного и пограничного контроля, несмотря на запрет технологий, ориентированных на отдельных лиц. Почему AI Act считает один набор инструментов опасным, а другой, тесно связанный с ним, – целесообразным?**» [15. С. 1049-1066]. Политика Франции и Германии в области миграции (в том числе в части цифровизации) крайне отлична, например, от политики Польши и Венгрии, но Франция и Германия как основные «двигатели» AI Act отнюдь не комплементарны другим странам-членам ЕС. Франция, делая ставку на создание «стартап-нации», приняла в 2023 году «Национальную стратегию по ИИ» (5), которая подкреплена существенными объемами инвестиций в национальные исследовательские кластеры. На законодательном уровне ключевую роль играет «Управление по защите данных» (CNIL (2)), выпустившее детальные рекомендации по соблюдению GDPR при разработке ИИ. Также Франция одной из первых в мире начала эксперименты по правовому регулированию алгоритмов в государственном секторе, обязав власти раскрывать логику алгоритмов, используемых в административных решениях. Германия, со своей стороны, также обладает всеобъемлющей стратегией и уделяет особое внимание промышленному применению ИИ «ИИ сделан в Германии» (6) – национальная стратегия данных и этические руководства, разработанные правительством, предполагают высокие амбиции, но насколько оправданы? Нет ни одной известной большой языковой модели, разработанной с нуля в Германии. Германским вкладом является

пилотный проект закона об ответственности за автономные системы, который исследует модификацию классических принципов гражданско-правовой ответственности применительно к решениям, принимаемым ИИ.

Испания демонстрирует «институционально ориентированный подход» [18. С. 804-847], создав в 2020 году «Государственное агентство по надзору за искусственным интеллектом» (AESIA (4)) – это первый в ЕС национальный регуляторный орган, посвященный исключительно ИИ. Задача AESIA контролировать соблюдение этических норм, способствовать прозрачности и проводить аудит алгоритмов, особенно в государственном секторе. Италия, хотя и не имеет отдельного комплексного закона об ИИ, активно использует инструменты мягкого права и отраслевые запреты, так итальянское «Управление по защите данных» (Garante, DPA (3)) функционирует как один из наиболее строгих регуляторов в ЕС, временно блокируя ChatGPT на территории страны из-за нарушений GDPR и отсутствия возрастной верификации. Подобный прецедент показал, как национальные органы по защите данных могут использовать существующие законы для регулятивного воздействия на провайдеров ИИ еще до вступления в силу AI Act.

В отличие от лидеров – пионеров многие страны Центральной и Восточной Европы находятся на этапе формирования базовых стратегий, так Польша и Чехия разработали национальные стратегии развития ИИ, которые носят в большей степени экономико-инновационный, нежели жестко регуляторный характер. Фокус политических решений у них смещен в сторону создания испытательных полигонов, привлечения инвестиций и развития кадрового потенциала, при этом конкретные законы, аналогичные французским или немецким инициативам, отсутствуют. Венгрия, делая акцент на технологическом суверенитете, также представила национальную стратегию, но ее реализация осложняется общеполитическим контекстом и вопросами о совместимости с европейскими принципами верховенства права. Наиболее выраженное отставание наблюдается в некоторых странах Балтии и Юго-Восточной Европы (например, Болгария, Румыния, Греция, Кипр), где национальные стратегии либо носят декларативный характер, либо находятся в стадии проектов, а дискуссия о правовом регулировании не вышла за рамки экспертного сообщества. Причины этого кроются в ограниченности ресурсов, иных политических приоритетах и менее развитом технологическом секторе, но особую проблему составляет дифференциация уровней образования и путей к образованию (знание-ориентированный и проектно-ориентированный), так отечественные исследователи отмечают: «...**приоритет навыков и компетенций над знанием создает ложную иллюзию развития человека. Это доказано как теоретически, так и эмпирически. Информация, извлекаемая из сети интернет по мере надобности – «мертвые» знания, так как эффективный поиск и эффективная интерпретация полученной информации целиком и полностью зависят от объема накопленных знаний**» [11. С. 18]. И внедрении ИИ в образовательные сферы при наличии национальных стандартов создает неизбежный конфликт интересов, так как ИИ требует именно

навыков, а система образования многих стран-членов ЕС ориентирована на знание-ориентированный подход. Это создает антагонизм между наднациональным и национальным.

Отдельного внимания заслуживают страны Бенилюкса и Скандинавии, которые часто выступают пространством ЕС для этико-правовых экспериментов. Дания, например, реализовала пионерскую инициативу по этической сертификации алгоритмов, используемых в государственном управлении. Нидерланды развивают подход, основанный на диалоге с заинтересованными сторонами и инвестируют в создание центров экспертизы по оценке воздействия ИИ на права человека. Рассмотрим Страновые различия в подходах к регулированию ИИ в государствах-членах ЕС – таблица 1.

Таблица 1. Страновые различия в подходах к регулированию ИИ в государствах-членах ЕС

Страна	Характер регулирования / Ключевые документы	Особенности национального подхода
Франция	Национальная стратегия ИИ; деятельность CNIL; закон о прозрачности алгоритмов госсектора.	Акцент на технологическом суверенитете и инновациях («стартап-нация»). Жесткий этический и правовой контроль через приему защиты данных (GDPR). Пионер в регулировании алгоритмов госуправления.
Германия	Национальная стратегия ИИ; этические руководства; проект закона об ответственности за автономные системы.	Промышленный фокус («Индустрия 4.0»), детальная проработка вопросов гражданско-правовой ответственности. Сильное влияние отраслевых ассоциаций.
Испания	Создание Государственного агентства по надзору за ИИ (AESIA); Хартия цифровых прав.	Уникальная институциональная модель с отдельным регулятором. Фокус на правах граждан и этическом аудите алгоритмов, особенно в публичном секторе.
Италия	Отсутствие единого закона; активность Гаранта по защите данных (блокировка ChatGPT); национальная стратегия.	Реактивное регулирование через мощный орган по защите данных (Garante, DPA). Использование GDPR как основного инструмента контроля за ИИ до вступления AI Act.
Дания	Стратегия ИИ; пилот по этической сертификации алгоритмов госсектора.	Прагматичный подход с фокусом на этику в государственных закупках и услугах. Модель «регуляторной песочницы» для тестирования решений.
Польша	Принята Политика развития ИИ; проект Закона об ИИ (в разработке).	Акцент на экономическое развитие и создание инновационной экосистемы. Регуляторные инициативы отстают от стратегического планирования.

Страна	Характер регулирования / Ключевые документы	Особенности национального подхода
Венгрия	Национальная стратегия ИИ.	Подчеркивание технологического суверенитета. Регулирование встраивается в общую модель «нелиберальной демократии», что вызывает вопросы на уровне ЕС.
Греция, Кипр, Болгария, Румыния	Стратегии находятся на ранней стадии или носят декларативный характер; отсутствие конкретных законов.	Регуляторный вакуум или стадия предрегулирования. Приоритет отдается освоению фондов ЕС для цифровизации, а не созданию собственного правового поля.

Источник: разработано автором.

Критический анализ национальных подходов выявил глубокий разрыв между «регуляторными пионерами» (Франция, Германия, Испания) и «странами-последователями», преимущественно из восточной и южной частей ЕС. Данное разделение проходит не только по линии «Запад-Восток», но и по выбранным приоритетам: от жесткого этико-правового контроля до фокуса на экономическом росте и инновациях, наличие такого разнообразия создает сложную среду для гармонизированного внедрения AI Act. Основная проблема, вытекающая из данного разнообразия, заключается в риске фрагментации единого цифрового рынка и возникновения «регуляторного арбитража» [14. С. 42] внутри самого пространства ЕС, когда компании-разработчики ИИ могут быть заинтересованы в локализации исследований и развертывания систем в странах с более либеральным или понятным регулированием еще до полноценного применения AI Act. Различия в административных мощностях и экспертизе национальных органов могут привести к неравномерному правоприменению единых норм AI Act, создавая «серые зоны» и снижая эффективность регулирования [7. С. 169-171]. Также очевидным недостатком является дублирование усилий и потенциальные конфликты юрисдикций, особенно в случаях, когда национальные регуляторы (как итальянский Garante) принимают решения, оказывающие общеевропейское влияние. Поэтому ключевой задачей на ближайшие годы станет не просто транспозиция AI Act в национальные законодательства, а сложный процесс институциональной и экспертной конвергенции, выравнивания регуляторных возможностей и создания единой правоприменительной практики во всех государствах-членах.

Заключение. Правовое регулирование искусственного интеллекта в государствах Европейского союза представляет собой крайне неоднородную мозаику, которая формируется в точке пересечения общеевропейской интеграционной политической логики и национальных политических интересов. Как мы наглядно продемонстрировали даже в рамках общего правового поля, задаваемого AI Act и GDPR, страны-члены избирают существенно разные траектории: от опережающего этико-правового регулирования и создания

специализированных институтов до фокусировки на инновационных дорожных картах при минимальном вмешательстве государства. Такое разнообразие является естественным отражением различий в экономической структуре, правовой культуре и технологических амбициях, но эта вариативность порождает значительные риски для будущего цифровой Европы. Существует реальный риск формирования внутренних регуляторных барьеров и дисбаланса в условиях конкуренции, когда компании будут выбирать юрисдикции с наиболее предсказуемой или мягкой средой регулирования. Поэтому успех общеевропейского проекта AI Act будет в решающей степени зависеть от способности институтов ЕС не только установить единые правила, но и обеспечить их согласованную и равномерную имплементацию на национальном уровне, что потребует беспрецедентного уровня координации между наднациональными органами, национальными правительствами и независимыми регуляторами, такими как агентства по защите данных. Процесс национальной имплементации AI Act станет новым испытанием на прочность для европейской модели многоуровневого управления, показав в будущем, способен ли Европейский союз обеспечить не только формальное единство права, но и фактическое единство правоприменительной практики в одной из самых сложных и критически важных сфер XXI века. Окончательный контур правового регулирования ИИ в Европе будет определен именно в этом напряженном взаимодействии между Брюсселем и национальными правительствами стран-членов ЕС.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) AI Act // <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai>.
- (2) CNIL // <https://www.cnil.fr/en>.
- (3) Data Protection Authorities (DPA) // <https://www.gdprregister.eu/gdpr/dpa-gdpr/>.
- (4) Ensuring ethical and responsible AI // <https://aesia.digital.gob.es/en/es>.
- (5) France – National Strategy for AI // <https://digital-skills-jobs.europa.eu/en/actions/national-initiatives/national-strategies/france-national-strategy-ai>.
- (6) Germany AI Strategy Report // https://ai-watch.ec.europa.eu/countries/germany/germany-ai-strategy-report_en.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гавров С.Н., Еремкин М.П. Использование искусственного интеллекта в контексте информационной войны // Вопросы политологии. 2025. № 2.
2. Гребенщикова Д.Е. Роль социальных сетей и альтернативных медиа в изменении медиаобраза России на примере работы SPUTNIK // Вопросы политологии. 2025. № 12.
3. Дресвянин Д.В. Управление искусственным интеллектом в мировой политике: вызовы национального суверенитета и перспективы глобального

- регулирования // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 12.
4. **Инхеев А.Б.** Искусственный интеллект в политических технологиях США: от стратегических коммуникаций к когнитивному воздействию // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 10.
  5. **Крюкова Е.В.** Двойственный характер использования интернет-технологий как инструмента взаимного контроля государства и общества // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 12.
  6. **Москвичев В.Р., Ершова Л.В.** Цифровые медиа как фактор трансформации политического лидерства в XXI веке // Вопросы политологии. 2026. № 1.
  7. **Певцова И.Е.** Становление и развитие искусственного интеллекта: отдельные аспекты правового регулирования / И.Е. Певцова, Л.А. Парфенов // Евразийский юридический журнал. 2025. № 2 (201). EDN VPHMXU.
  8. **Серохвостов В.В.** Возможности и угрозы применения искусственного интеллекта в политическом имиджмейкинге // Вопросы политологии. 2025. № 12.
  9. **Сурма И.В.** «Общество 5.0» и квантовый искусственный интеллект: глобальная социально-экономическая трансформация через призму новых технологий // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2026. № 1.
  10. **Талагаева Д.А., Кочеринский Д.Ю.** Этические аспекты искусственного интеллекта и технологический суверенитет: национальные модели и глобальное управление // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 11.
  11. **Хайруллин В.А.** Экономика и социология современного образования / В.А. Хайруллин, И.С. Бакланов, Э.Н. Ямалова // Дискуссия. 2025. № 1 (134). DOI 10.46320/2077-7639-2025-1-134-6-32. EDN WQIGQC.
  12. **Черемных В.Ю.** Особенности симбиоза сетевой инфраструктуры и искусственного интеллекта в управлении бизнес-процессами как основа становления «диджитл-экономики» // Human Progress. 2024. Т. 10. № 9. DOI 10.46320/2073-4506-2024-9a-13. EDN ZXIQMH.
  13. **Шерматов А.Г.** Перспективы развития политики искусственного интеллекта в Узбекистане // Вопросы политологии. 2026. № 1.
  14. **Юзефальчик И.В.** Регуляторный арбитраж в условиях цифровой трансформации финансового сектора // ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 11 января 2022 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. EDN EPQLLH.
  15. **Feldstein S.** Evaluating Europe's push to enact AI regulations: how will this influence global norms? // Democratization. 2024. Т. 31. № 5. DOI 10.1080/13510347.2023.2196068.

16. **Ulnicane I.** Artificial Intelligence in the European Union: Policy, ethics and regulation // The Routledge handbook of European integrations. Taylor & Francis, 2022. DOI 10.4324/9780429262081-19.
17. **Unver M.B.** AI governance: Compromising democracy or democratising AI? // Proceedings of the TPRC2024. The Research Conference on Communications, Information and Internet Policy. 2024 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4913658.
18. **Whittingham K.L. et al.** Mapping liability of origin and mimetism in MNE engagement across the UN sustainable development goals: an analysis of sustainability reports // Business & Society. 2025. Т. 64. № 4. DOI 10.1177/00076503241255040.

I.V. IAREMCHUK

Postgraduate, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia

LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE EUROPEAN UNION

The dynamic process of political will generation in the field of artificial intelligence at the level of the European Union member states, which is taking place in parallel with the development and adoption of the pan-European AI Act, determines the relevance of this study. This process reflects the broader political issue of the relationship between supranational harmonization of the global political space and national sovereignty in the digital age. The object of this study is the national legislation and strategic documents of EU member states on artificial intelligence regulation. The subject of the study is the specific approaches, priorities, and legal instruments used by individual EU countries to implement common European principles, as well as cases where such approaches are lacking. The results of the study include a systematization of national models of artificial intelligence regulation in the EU, identification of leaders and outsiders in this process, an analysis of the reasons for this differentiation, and an assessment of the potential consequences of this diversity of political and legislative decisions for the Digital Single Market and the future application of the AI Act at the national level.

Key words: artificial intelligence, European Union, national regulation, AI Act, country differences, harmonization of law, implementation.